

О ВАЛЮАТИВНОМ АСПЕКТЕ СОЦИАЛЬНОГО

Оценочные процессы и конструкты определяются как детерминированные особой, коллажной по своему внутреннему устройству, целостностью – валюативом, основная функция которой состоит в обеспечении устойчивости сообществам любого масштаба.

Ключевые слова: оценка, оценочные процессы в обществе, валюатив.

Коротченко Ю.М. Про валюативний аспект соціального. *Оціночні процеси та конструкти визначено як особливу, колажну за своєю внутрішньою структурою цілісність – валюатив, головна функція якої полягає в забезпеченні стабільності спільнотам будь-якого масштабу.*

Ключові слова: оцінка, оціночні процеси в суспільстві, валюатив.

Korotchenko Y.M. Evaluative aspect of social. *Evaluative processes and constructions are defined as special, collage in its intrinsic structure wholeness, “valuative”, the main function of which is to provide the stability for the associations of any scale.*

Keywords: evaluation, evaluative processes in society, “valuative”.

Цель настоящей публикации – выявить оценочный (валюативный) аспект социального, специфицировать оценочные структуры, определить функции оценочных процессов и структур в социальной реальности. Соответственно, **объект исследования** – оценочные процессы в обществе.

Новизна нашего подхода состоит в том, что оценочные процессы и конструкты определяются как детерминированные особой, коллажной по своему внутреннему устройству, целостностью – валюативом, основная функция которой состоит в обеспечении устойчивости сообществам любого масштаба.

Актуальность, степень разработанности и постановка проблемы. Всё, что имеет место в обществе, в конечном счете, – оценочно. Оценочность выступает одним из родовых свойств социального как всего, что создается и поддерживается людьми и поэтому имеет субъектную составляющую.

Оценки определяют предпочтения, стратегии анализа, сбора данных для таких предпочтений, мотивацию и ее формирование или коррекцию, наконец, что наиболее важно по своим последствиям, – выработку решений и их реализацию. В этой связи оказываются актуальными изучение оценочных процессов как важнейших для общества, аналитика оценки в ее различных модусах, а главное – погружение в проблематику природы оценочных процессов, протекающих в социуме, поиск института, силы, конструкта – порождающего, хранящего и в известной степени навязывающего социальные оценки.

Одним из наиболее концептуально целостных исследований такой структуры стала концепция социетального сообщества Т. Парсонса, который основывался в своих изысканиях, прежде всего, на понятиях социального действия и идеального типа М. Вебера и на идее коллективного сознания Э. Дюркгейма.

Парсонс, в работе «Система современных обществ», в социуме, наряду с культурой, экономикой и политикой выделяет некую интегрирующую все эти подсистемы структуру: «...ядром общества как разновидности социальной системы является четвертый компонент – его интегративная подсистема. Поскольку мы интерпретируем социальную систему как интегративную для систем действия в целом, то особое внимание надо уделять тому, как она обеспечивает или, наоборот, не обеспечивает различные порядки и уровни внутренней интеграции. Эта интегративная подсистема общества будет называться социетальным сообществом. Возможно, общей функцией социетального сообщества является сочленение системы норм с коллективной организацией, обладающей единством и внутренней логикой» [1, с. 22].

Социетальное общество Т. Парсонса, таким образом, не содержит в себе сами по себе культурные ценности, экономические или политические интересы, но обеспечивает их взаимодействие посредством нормативного регулирования с целью поддержания общественного порядка. Иными словами, если мы захотим описать какое-то общество в терминах Парсонса, то мы не сможем описать его только как социетальное, потому что последнее есть лишь функция. Вопрос о том, какова же внутренняя, самостоятельная структура самого социетального общества, остается не выясненным. Дальнейшие рассуждения Т. Парсонса относятся к взаимодействиям социетального общества с культурой, экономикой и политикой.

Еще одним концептом, описывающим оценочные процессы в социуме, стало коллективное сознание, определенное Э. Дюркгеймом в работе «О разделении общественного труда». Коллективное сознание – форма социальной солидарности, которая определяется французским социологом как «более или менее организованная совокупность верований и чувств, общих всем членам группы... Солидарность, вытекающая из сходств, имеется тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю» [2, с. 126]. Коллективное сознание, согласно Дюркгейму, характеризует общество на ранних этапах его эволюции, общественный же прогресс идет по пути усиления индивидуального и, соответственно, снижения значимости коллективного. Коллективный тип социальной солидарности охарактеризован им как свойственный примитивным обществам и утрачивающий свою коллективную сущность по мере разделения видов труда.

Если социетальное общество Парсонса – инвариантная структура общества, выделяемая и преломляющаяся специфически на всех его исторических этапах, то коллективное сознание Дюркгейма – проходящий элемент, присущий механической солидарности, противопоставляемый формам социальной солидарности в обществах со сложным разделением труда. Однако и то, и другое фиксируют наличие некоего центра, вокруг которого формируется социальная структура и который или включает в себя оценки (или то, что к ним сводимо – верования, чувства, которые, по выражению Дюркгейма, будучи разделенными группой неизбежно внушают сознанию «почтительное уважение»), или нормативно регулирует их взаимодействия в разных подсистемах общества.

И Парсонс, и Дюркгейм существенно опирались на теорию идеальных типов М. Вебера, понимаемых Вебером как некий конструкт, лежащий в основе понимания социальных действий разных видов: «посредством сопоставления поведения того или иного характера с соответствующим идеальным типом устанавливаются каузально релевантные иррациональности (в каждом случае в различном смысле слова) для осуществления каузального сведения» [3, с. 53].

Выделенные М. Вебером, Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом во многом синонимичные, если и не всегда явно, то по внутренней интенции и даже по схемам приложения, структуры, однако, относятся, к обществу как к некоему в целом центрированному объекту, развивающемуся восходящим (пусть даже и бесконечно) образом. Присутствуют попытки вскользь представить более частные социальные структуры, однако эти идеи остаются не разработанными и не фигурируют в концептуальных положениях, названиях глав программных работ и т.д. Это объясняет некоторую, как ни странно при всей внешней четкости и даже схематизированности изложения (в особенности, у Парсонса), аморфность выделенных структур, их растворенность во всех социальных институтах одновременно. Итак, возникает требующая разрешения коллизия. Социальность «прошита» оценочными процессами и структурами, вырабатывающими и хранящими оценки. Именно такие процессы и структуры обеспечивают объединенность в случае сходства и становятся фактором разобщенности в случае несовпадений групп внутри общества, разных обществ и цивилизаций. О таких конструктах говорят многие авторы; среди них – основоположники современного обществознания, в работах которых основным объектом является «общество вообще», а формирующий его оценочный центр рассматривается как общий для социума как такового, которое тогда выглядит как изначально центрированное в целом неким единым центром – или образующим идеальный тип, или являющимся коллективным сознанием, или выполняющим нормативно-регулятивную функцию социетального общества. Постмодернистский демонтаж моноцентристской модели социума, впечатляюще осуществленный, прежде всего, Делезом и Гваттари в их номадологическом проекте, а также реальные исторические события, произошедшие и в мире, и в нашей стране во второй половине XX века и уже в минувшем первом десятилетии века XXI, позволяют говорить о множественной центрации общественной жизни на разных уровнях. В этой связи хотелось бы репрезентировать такой объект, который бы не обязывал нас принять моноцентристскую концепцию общества (да еще и с западным обществом, взятым за идеал, как это имеет место у Парсонса, например), но при этом выполнял бы организующую функцию в отношении устойчивых социальных объединений. Тогда нам удалось бы избежать крайностей постмодернизма, который, как известно, был врагом всякой устойчивости.

Для реализации нашей изначальной цели структурируем, прежде всего, объект исследования. При изучении оценочных процессов, как нам кажется, важно знать ответы на следующие вопросы:

- что оценивается?
- кто осуществляет процедуру оценивания?
- какова структура, вырабатывающая, хранящая и корректирующая, в случае необходимости, сами оценки и их критерии?

Объектом социальной оценки могут выступать отдельные предметы – артефакты, например; поступки людей, сами люди; их взаимоотношения, отношения людей и социума в целом или с его субструктурами и т.п. Все вместе это составляет поле социальной оценки.

Субъектом оценивания могут быть отдельные наделенные специальными полномочиями люди, – судьи, например; какие-то объединения людей – всевозможные комиссии, жюри, известные и еще не всеми забытые политбюро, «партийные тройки», различные инстанции.

Наконец, вопрос, который нам кажется главным. Где рождаются и «хранятся» оценки, под влиянием чего формируется критериальная база для социальных оценок: или это отдельные формы регуляции общественного поведения, например, такие, как социальные нормы, или это нечто единое для общества в целом (система правовых норм, социетальное сообщество, коллективное сознание и т.п.), или это некое коллажное целое, каких может быть в социуме множество, в зависимости от социальных субструктур, организованных вокруг такого конструкта. Современная нам в целом полицентрически организованная социальная реальность склоняет нас, скорее, к последнему варианту.

Анализ объектного поля, обнаружение многочисленных вариантов субъекта оценивания, исследования классиков обществознания и достижения современных аналитиков оценки (см., в частности, [4]) позволяют говорить о некоей целостности – назовем ее *валюатив*, которую можно задать систематически как упорядоченную n-ку элементов и которая характеризуется следующими идентификационными показателями:

V₁. Ценности:

- доминирующие (или иногда – доминирующая);
- производные

V₂. Нормы и традиции:

- правовые нормы;
- не закрепленные в правовых документах социальные нормы поведения и морали в целом;
- запреты и разрешения;
- традиции;
- наказания и поощрения

V₃. Пантеон героев и портреты антигероев:

- собственно имена;
- биографии, мифы и легенды, жизнеописания героев и антигероев;
- места почитания живущих героев;
- пантеоны в буквальном смысле – места захоронения героев

V₄. Язык функционирования валюатива:

- оценочные маркеры: языковые грамматические и лексические эквиваленты ценностей, норм, возвеличивающие или уничижающие языковые выражения или стили речи (см., например, [5], [6] [7]);
- предложения и тексты, содержащие такие маркеры (о структуре таких предложений и текстов см., в частности, [8], [9]);

V₅. Культура и искусство

V₆. Идеология

Как правило, уже сформировавшийся и действующий валюатив развитого сообщества обладает всеми вышеперечисленными идентификационными показателями. Если же речь идет о модели некоего социального конструкта или о еще только формирующемся социальном объекте, то в таком случае допустимы какие-то «пробелы», но в не в основных строчках (которые в нашей записи пронумерованы), а в некоторых составляющих основные строчки пунктах, как это было показано в [10], где нами по текстам Ф. Ницше был эксплицирован валюатив сверхчеловека.

Отметим также, что никакая из основных строчек валюатива не сводима к какой-либо другой его строке целиком.

Каковы важнейшие свойства и функции валюатива? О первом из таких свойств уже говорилось выше. Валюатив – это коллажное, синхронизированное целое, для репрезентации которого недостаточно его составляющих, взятых по отдельности. Другие свойства валюатива будут во многом производны от этого основного. Так, внутренние составляющие валюатива не являются иерархически организованными. Каждая из них покрывает свою зону поля оценивания. Например, при вынесении решения суда не учитывается общественное мнение, выраженное в ценностях, социальных нормах, традициях и т.п., учитывается только правовая норма. И внутри отдельной зоны оцениваемой реальности эти границы более или менее

Розділ перший. Філософія доби глобалізму, постмодерну й інформатизації

очевидны. В то же время в составе валлоатива как целого наблюдается тенденция для каждой из его составляющих центрировать все критерии оценки на себя. Каждая из таких подструктур одновременно с другими претендует на достаточность себя как критерия социальной оценки – ценностного, нормативного, героического и т.д. Что может сдерживать эту тенденцию? Очевидно, потребности сообщества, выработавшего валлоатив. Например, в примитивных бесписьменных сообществах с отсутствующей правовой системой в обычном для нас смысле основным критерием оценивания будет соответствие или несоответствие образу героя, как о нем рассказывает эпос. Все остальные компоненты валлоатива можно будет «вывести» из этого эпического источника.

Наряду с вышеуказанными ключевыми свойствами – быть коллажным синхронизированным целым и содержать компоненты такие, что каждая из них стремится покрыть все поле оценивания, будучи на самом деле функциональной в своих подструктурных границах, валлоатив выполняет важные социальные функции, главная из которых, естественно, оценочная. Она осуществляется во многих направлениях и связана с различными модусами оценки и стадиями оценочных процессов, о которых мы говорили выше – от мотивации до выработки и принятия решения. В этом смысле валлоатив – это общественное сознание в функции оценки.

Вторая важнейшая социальная функция валлоатива – организующая по отношению к объединениям людей любой степени общности (от сравнительно малочисленных до максимальных, таких, как, скажем, цивилизации). Развитое устойчивое объединение людей или социальный институт нуждается в валлоативе и, в конце концов, вырабатывает его. Безусловно, имеют место какие-то внешние факторы, объединяющие людей: экономические, исторические и т.п. Однако устойчивость, живучесть, трансляцию в будущее этим объединениям сообщает наличие в них такого ядра, как валлоатив. Есть валлоативы малых социальных групп – отдельно взятых коллективов (например, производственных) или субкультурных объединений (например, в блатном мире). Здесь актуализируются вопросы, связанные с соотношением индивидуальных оценок у отдельного субъекта, принадлежащего сообществу, и оценок, в их совокупности навязываемых валлоативом.

Можно говорить о валлоативной составляющей и более крупных общностей – политических партий, религий, наций, цивилизаций. В этом случае приобретают остроту проблемы, связанные как с возможностями конструирования новых валлоативов, а значит, и новых общностей, с прогнозированием вариантов поведения и развития таких общностей, так и со столкновением разных, вплоть до полярности по своим основным строчкам, валлоативов. При этом важно также иметь в виду коллажность внутренней структуры валлоатива.

Например, С. Хантингтон, говоря о политических институтах и социальных силах (этносы, религия, род деятельности и т.п.) как о двух составляющих политической общности, отмечает, что только «простое политическое сообщество может иметь своим основанием этническую, религиозную принадлежность или род занятий и не нуждаться в высокоразвитых политических институтах. Оно характеризуется единством в смысле дюркгеймовской механической солидарности. Чем, однако, сложнее и неоднороднее общество, тем в большей мере достижение и поддержание политической общности становится зависимым от функционирования политических институтов» [10, с. 26–27]. Однако тут же присутствует замечание о сложности различения политических институтов и социальных сил на практике, они оказываются взаимопроникающими, часто подменяющими друг друга и т.д. не только при простом политическом устройстве. Теоретически эта сложность, по Хантингтону, разрешается на основании того, что никакая социальная сила не победит развитый и легитимизированный политический институт: «порядок ... может существовать и без свободы, но свобода невозможна без порядка» [там же, с. 27]. Почему же политический порядок в своей узаконенной форме оказывается более устойчивым, что сообщает ему такую устойчивость, внутреннюю организованность? Является ли она вечно ему присущей? Последний вопрос – риторический. Ясно, что смена политических порядков под воздействием социальных сил имеет свою известную реальную историю. Противостояние же политических институтов и социальных сил – это, в конечном счете, борьба валлоативов. Валлоативный анализ дает возможность рассмотреть такие общности сначала вне их погруженности в конкретный социум, – сами по себе, а затем, обнаружив в них то, что мы назвали валлоативом, «вернуть» в обычную среду. Эта среда – общество в целом, тогда предстанет перед нами как имеющее множество разных валлоативно детерминированных институтов, социальных сил, субкультур, групп, внутренне организованных, но детерминирующих только себя. Было бы идеально, например, чтобы такой сильный институт, как право, детерминировал все поведение всех людей. Но статистика преступности и живучесть, к сожалению, валлоативов преступного мира, свидетельствует о некоторой ограниченности его возможностей.

Борьба валлоативов может расшатать социум до внутреннего конфликта предельной разрушительной силы. Для того, чтобы ее остановить изменения объективной ситуации недостаточно: ценности побеж-

даются ценностями, героя побеждает только герой, а не внешняя реальность. Необходимым в таких условиях становится конструирование общего для противостоящих сторон валюатива. Например, если пропустить сквозь фильтр выделенных нами строк валюативы восточной и западной Украины, понимаемых как разные историко-культурно-идеологические зоны, то различия, столь часто и, к несчастью, эффективно используемые в манипулятивных политических целях, станут слишком явными, чтобы ими можно было безопасно для страны в целом пренебрегать. Полностью совпадающими являются только правовые нормы, но они могут быть или противоправно нарушены, или отредактированы, пересмотрены, реформированы законным путем в любой момент при соответствующей смене власти. Разработка объединяющего валюатива требует усилий философов, правоведов, социологов, политических аналитиков, историков, культурологов, искусствоведов, лингвистов. Результат таких усилий был бы чрезвычайно конструктивным для нашего уже достаточно расколотого общества.

Выводы. Среди всего многообразия социальных процессов особое место занимают оценочные. Оценочность – одно из родовых свойств социального. Оценочные процессы являются центрированными и способными выполнять организующую функцию для относительно устойчивых сообществ. Роль центра играет выделенная нами комплексная коллажная целостность – валюатив, характеризующаяся константными в основных позициях идентификационными показателями, такими, как: ценности, нормы, пантеоны героев, язык функционирования, культура и искусство, идеология.

Эвристичность валюативной модели оценочных феноменов и процессов открывает новые перспективы их исследования, выявления новых валюативов на разных уровнях социальной структуры, экспликации оценочных оснований (т.е. сходства и различий валюативов) взаимоотношений между представителями разных социальных слоев, субъектами разных социальных институтов, носителями разных культур, представителями разных сосуществующих цивилизаций.

Литература:

1. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; [пер с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева]; под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 270 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э.Дюркгейм; пер. с франц. и посл. А.Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990. — 575 с. (Социологическое наследие).
3. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии/М. Вебер // Вебер М. Избр. произв. — М.: Прогресс, 1990. — С. 495–457
4. Щипицына А.А. Соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в британском политическом медиа-дискурсе // Политическая лингвистика. — Выпуск 2(22). — Екатеринбург, 2007. — С. 93–98; Маслоу А. Мотивация и личность/А. Маслоу; пер с англ. А.М. Талыбаевой; терминолог. правка В. Данченко. — Спб.: Евразия, 1999. — 479 с; Безруков С.С.Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. на здоб. наук. ст. канд. юридичн. наук: 12.00.09. — Омск, 2001. — 220 с.; Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступления против личности / Р.С. Джинджолия. — М.: ЮНИТИ– ДАНА, Закон и право, 2004. — 271 с.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
6. Миронова Н.Н. Структура оценочного дискурса: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра филол. н.: 10.02.19. — М., 1998. — 355с. /Н.Н.Миронова//Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/183566.html>.
7. Аругюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. / Н.Д. Аругюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
8. Коротченко Ю.М. Некоторые вопросы современной теории оценочных суждений//Ученые записки Таврического национального университета. Серия: «Философия». «Социология». — 2011. — Том 24(63), №1. — С. 230–236.
9. Коротченко Ю.М. Логический стандарт оценочных рассуждений / Ю.М. Коротченко//Ученые записки Таврического национального университета. Серия: «Философия». «Социология». — 2008. — Том 21 (60), №4. — С. 173–177.
10. Коротченко Ю.М. Валюатив: опыт структурного определения / Ю.М. Коротченко//Ученые записки Таврического национального университета. Серия: «Философия». «Культурология». «Политология». «Социология». — 2011. — Том 24 (63), № 3-4. — с. 35–45.
11. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон; пер. с англ. В.Р. Рокитянско-го. — М.: Прогресс–Традиция, 2004. — 480с.